

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

КАПКАН
ДЛЯ ПЕШКИ

Александра Шервинская

Капкан для пешки

«Автор»

2023

Шервинская А.

Капкан для пешки / А. Шервинская — «Автор», 2023

Поиски клада, спрятанного в заброшенной усадьбе князей Стрешневых, неожиданно становятся для репортёра Егора Дягилева и его друзей не просто авантюрой, на которой можно неплохо заработать. Заманчивое предложение, с которым обращается к ним наследница старинного рода, оказывается смертельной ловушкой. Ступив на территорию усадьбы, молодые люди оказываются разменной монетой в многовековой игре таинственных сил. Тут уже не до клада: уцелеть бы! Страшные ловушки, древние проклятья, и с каждым часом шансы выжить становятся всё призрачнее. Удастся ли хоть кому-то из них выбраться из смертельного капкана?

© Шервинская А., 2023

© Автор, 2023

Александра Шервинская

Капкан для пешки

Глава 1

Луна просвечивала сквозь облака и напоминала слегка погрызенный мышами круг сыра: на жёлтой поверхности темнели не очень симпатичные дыры, а подбирающаяся справа небольшая, но плотная туча явно намеревалась отхватить лично себе солидный кусок. Ветер бродил по пустынным аллеям парка в поисках того, с кем можно было бы поиграть, или, на худой конец, того, кого можно было бы напугать. Не так интересно, конечно, но тоже неплохо. Однако дорожки, густо усыпанные опавшими листьями, были абсолютно пусты. Огорчённый ветер тоскливо вздыхал и от нечего делать скрипел стволами высоких тополей, росших у старой железной ограды.

Туча таки добралась до луны и теперь с аппетитом отгрызала от неё кусочки: видно было, что через несколько минут она проглотит её полностью. Как только последний тусклый ломтик ночного светила исчез в чернильной темноте, в непроницаемом мраке послышался тихий, на грани восприятия, шорох. Невозможно было определить, откуда именно он раздаётся: казалось, ниоткуда и отовсюду одновременно. Это был не шум шагов и не дыхание человека, не шелест крыльев совы и не осторожная поступь хищника. Определить природу раздавшегося в темноте звука было невозможно.

Время текло медленно, словно стало густым и тягучим, и прозвучавший негромкий скрип калитки показался оглушительным. Было впечатление, что абсолютно всё на миг замерло и сосредоточило своё внимание на этом неуместном в холодном осеннем воздухе скрипе: старые тополя, облетевшие кусты сирени, даже завитушки на парковых скамейках.

Изрядно заржавевшая калитка покачивалась, словно кто-то, прошедший через неё, не потрудился вернуть дверцу на её законное место, оставив поскрипывать в ночной темноте. Впрочем, вскоре звук прекратился: невидимая рука аккуратно прикрыла калитку и даже повернула изящную металлическую щеколду. В остро пахнущем опавшими листьями воздухе прозвучали осторожные шаги, и от закрывшейся калитки в сторону едва различимого в ночной темноте здания скользнула еле заметная ниточка серого тумана.

Она прошуршала по дорожке, игриво подныривая под разноцветные листья, и взлетела на старинное широкое деревянное крыльцо. Там туманная струйка замерла, словно прислушиваясь к чему-то, а затем медленно впиталась в старые рассохшиеся доски, краска на которых уже давным-давно облупилась.

Но крыльцо уже нельзя было назвать безлюдным: стоило уцелевшей части луны высвободиться из цепкой хватки прожорливой тучи, как серебристый лунный свет залил своим загадочным сиянием и аллеи, и крыльцо, на котором внезапно обнаружился высокий широкоплечий мужчина в длинном тёмном пальто, элегантной шляпе и с щегольской тростью в руке.

Он постоял, словно изучая двери, закрытые на старый заржавевший всякий замок, затем поднял голову, всматриваясь в едва заметный выцветший герб над входом. Помедлив ещё немного, мужчина несколько раз стукнул тростью по доскам крыльца, но в осеннем воздухе не раздалось ни звука. Вслушавшись в доступный, видимо, только ему ответ, мужчина в пальто поправил шляпу и, достав из кармана пальто ключ, отпер замок и вошёл в дом.

И снова крыльцо опустело, словно и не стоял на нём только что странный посетитель. Лишь листья, разочарованные тем, что не удалось увлечь гостя на дорожки парка, тихо перешёптывались, кружась в бесконечном осеннем танце.

В доме загадочный мужчина огляделся, положил снятую шляпу на специальную полку, пальто аккуратно пристроил на предназначенную для этого деревянную вешалку, а трость —

в стилизованную под колчан для стрел подставку. Пройдя через захламли́нный холл, он подошёл к тёмному окну и остановился, глядя сквозь пыльное стекло на пустой, озарённый луной осенний парк. И его, судя по всему, совершенно не беспокоило то, что он не отбрасывал тени и не отражался в окне.

– Надо же, я снова оказался первым, – негромко проговорил мужчина, не демонстрируя, впрочем, ни малейшего раздражения. Скорее, наоборот: он был явно доволен собой. – Ну что же, могу и подождать.

Ледяная капля, скатившаяся с огромного, прихваченного первым ночным морозом тёмно-коричневого листа, с глухим стуком шлёпнулась на кучу грязных тряпок, непонятно откуда взявшуюся в лесной чаще. Послышался едва различимый стон, ворох тряпья неуверенно шевельнулся, и из него высунулась трясу́щаяся грязная рука. Она пошарила по земле, ощупывая перепачканными пальцами с обломанными ногтями неровности почвы, и замерла, наткнувшись на растрескавшуюся еловую шишку. Тонкие пальцы, покрытые грязью и засохшей кровью, нервно пробежались по размокшим сырым чешуйкам.

Маленький рыжий муравей, тащивший неподалёку сосновую иголку, внезапно остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду, и свернул с давным-давно проложенной тропы. Он вдруг ощутил всем своим маленьким существом, что дальше идти нельзя, что нужно обязательно обойти неожиданно ставшее страшным место.

Старая одноглазая ворона, никогда и ничего не боявшаяся, с дважды сломанным крылом и несколькими шрамами на голове и шее, молча, словно опасаясь привлечь к себе внимание, перелетела повыше, стараясь при этом не выпускать из вида шевелящиеся тряпки. Её чёрный глаз встревоженно сверкал, и вся она напоминала сжатую пружину: птица явно была готова при малейшей опасности сорваться с ветки и удрать как можно дальше.

Тем временем из бесформенной кучи выбралась человеческая фигура, во всяком случае, когда-то это наверняка был человек. Сейчас же это слово вряд ли было применимо к пошатывающемуся, словно заново привыкающему к вертикальному положению существу.

Вот оно выпрямилось и странными, резкими, но при этом какими-то неуверенными движениями пригладило всклокоченные тёмные волосы, неопрятными сосульками свисающие на плечи и закрывающие лицо. Вытянуло перед собой худую руку и, словно впервые увидев, стало её рассматривать. Бледная, почти серая кожа, покрытая тёмными пятнами, длинные тонкие пальцы, когда-то, наверное, выглядевшие аристократичными. Обломанные грязные ногти, следы засохшей крови, ссадины на запястьях, словно от кандалов. Закончив рассматривать руку, существо бессильно уронило её, и она плетью повисла вдоль пошатывающегося тела. На какое-то время фигура застыла, словно не понимая, что нужно делать дальше, но потом вздрогнула и сделала первый неуверенный шаг.

Ноги плохо слушались, и существо чуть не упало, но всё же удержало равновесие и упрямо двинулось дальше. С каждой секундой оно шагало всё увереннее, и вот уже сторбленная спина выпрямилась, плечи выровнялись, а голова перестала клониться то в одну, то в другую сторону. Движения приобрели уверенность и даже некую грациозность. Уже можно было рассмотреть, что когда-то это существо было женщиной, так как в обрывках одежды при определённом усилии можно было опознать длинное платье.

Не обращая внимания на то, что одежда превратилась в отвратительные лохмотья, существо уверенно шло по лесу, перешагивая поваленные деревья, обходя болотистые овраги и не реагируя на порывы холодного ветра. Было ощущение, что оно движется к конкретной цели и ничто не сможет ему помешать.

Лишь однажды оно остановилось и, подняв голову к луне, выплюнуло какое-то не то проклятье, не то ругательство, а потом разразилось хриплым каркающим смехом. Ворона, до этого момента мужественно державшаяся неподалёку, стремительно сорвалась с ветки и,

тяжело взмахивая отсыревшими крыльями, скрылась в чаще. Существо посмотрело ей вслед, ощупало лицо, спрятанное под тёмными свалывшимися волосами, огляделось и, заметив неподалёку глянцевое окошко болотной воды, образовавшееся в зарослях осоки и рогоза, решительно направилось к нему.

Склонившись к импровизированному зеркалу, оно отвело с лица волосы, и чёрная водная гладь отразила череп, обтянутый сероватой, покрытой язвами кожей, провалившийся нос и жуткую яму рта. Видимо, существо, хоть и догадывалось, что выглядит не лучшим образом, не подозревало, что всё настолько плохо. Оно в ярости ударило по воде костлявой рукой и не то застонало, не то зарычало.

Впрочем, приступ отчаяния длился недолго, буквально через минуту существо выпрямилось и решительно двинулось дальше. Разве что движения стали чуть более резкими и дёрнаными.

Как ни странно, оно прекрасно ориентировалось в лесной чаще и лишь пару раз замешкалось, выбирая между несколькими почти незаметными тропинками. Когда же лес поредел и впереди показалась кованая ограда, существо удовлетворённо рыкнуло и попробовало перебраться на территорию старой усадьбы. Но сил на то, чтобы без потерь преодолеть достаточно высокую ограду, у него явно не хватало. Не получилось и протиснуться между прутьями. Так что пришлось идти вдоль всё ещё прочных ржавых копий в поисках калитки.

Дверца обнаружилась достаточно скоро, и существо, не обращая внимания на обрадовавшийся новому визитёру ветер, прихрамывая, прошло по дорожке и поднялось на старое разошедшее крыльцо с облупившейся краской. Подойдя к двери, оно принялось и сердито трянуло головой. Старые створки отворились с душераздирающим скрипом, особенно пронзительно прозвучавшим в полной тишине, царящей вокруг.

– Ну наконец-то, – в холодном голосе не было ни раздражения, ни насмешки, его обладатель просто констатировал, что та, кого он ждал, пришла. – Ты долго добиралась, Аглая.

– Твоими стараниями, – проскрипело существо, стоя посреди холла и глядя сквозь свисающие пряди грязных волос на притаившегося в тени мужчину, – отдай мне его, Герман.

– Разумеется, – отозвался тот, и на этот раз в его голосе отчётливо прозвучали нотки превосходства, – время вышло, оговоренные сто лет закончились, – тут он замолчал и взглянул на сверкнувшие на запястье часы, – ровно два часа назад.

С этими словами он неспешно вынул из нагрудного кармана изящный витой браслет, при виде которого та, которую он назвал Аглаей, прерывисто вздохнула и протянула вперёд костлявую руку.

– Да уж, – не торопясь отдавать ей браслет, проговорил Герман, – как-то это столетие далось тебе особенно трудно. Выглядишь отвратительно: эта ужасная грязь, рваные тряпки, кожа как у упырицы. . . Пожалуй, встретить я тебя в лесу, сначала выстрелил бы серебряной пулей, а потом уже стал бы разбираться, что к чему.

– Отдай. Мне. Его. – Аглая говорила медленно, явно сдерживая гнев и понимая, что все козыри пока на руках у мужчины. – Я в своём праве, Герман, и ты это знаешь. Я проиграла в прошлый раз и расплатилась сполна за свою ошибку. А издеваться над тем, кто слабее, – это не по-мужски как-то, не считаешь?

– А разве я издеваюсь? – бровь мужчины изогнулась в притворном удивлении. – Я просто озвучиваю свои впечатления от первой встречи после долгой. . . очень долгой разлуки.

– Просто верни то, что принадлежит мне по праву, – хрипло проговорила Аглая, не трогаясь с места, – у тебя было достаточно времени для того, чтобы насладиться победой.

С каждым словом её речь становилась всё более связной, словно близость заветного браслета давала ей дополнительные силы. Впрочем, не исключено, что именно так оно и было. Она опустила руку, которую протянула было в сторону по-прежнему стоящего в тени Германа, словно ей был невыносим этот унижительный жест.

– Разве я отказываюсь? – удивление в голосе мужчины было почти натуральным, но лицедейство явно не было его сильной стороной. – Возьми его, Аглая, он твой. За последнее столетие, которое ты столь бездарно провела в той лесной яме, куда я тебя заманил, моё мастерство вышло на принципиально новый уровень. Мне больше нет необходимости использовать примитивные артефакты. Но тебе, разумеется, без него не обойтись, особенно сейчас, когда ты на ногах-то еле стоишь, бедняжка.

– Не стоит увлекаться лживым сочувствием, – оборвала его монолог Аглая, – мы оба прекрасно знаем, что мир между нами невозможен. Да, я проиграла в прошлый раз. Но проигранное сражение, как сказал какой-то известный человек, не означает проигранную войну. Не забывай об этом, Герман.

– Ты всегда была неисправимой оптимисткой, – раздалось из сумрака, а затем мужчина сделал несколько шагов и остановился возле покрытого пылью стола. Он аккуратно положил браслет и снова отступил в темноту, лишь в чёрных глазах на миг сверкнули недобрые багровые искры, тут же исчезнув.

Аглая, которой явно хотелось броситься к столу и побыстрее схватить своё сокровище, смогла справиться с эмоциями и через холл прошла с поистине королевской невозмутимостью. Лишь в тот момент, когда её костлявая рука протянулась к браслету, она не выдержала, и последнее движение получилось слишком быстрым, торопливым, жадным.

Тонкие пальцы судорожно сжали витую безделушку, и с женщиной начали происходить невероятные вещи. Она словно сбрасывала старую, отслужившую свой век шкуру и рождалась заново.

Спутанные тёмные волосы прямо на глазах становились гуще, начинали сиять здоровьем и силой, закручиваться в кольца и вскоре превратились в роскошный водопад блестящих кудрей. Кожа вспыхнула миллионами искорок и побелела, избавившись от отвратительных трупных пятен и нездорового серого цвета. Аглая подняла руку и полюбовалась на безупречную изящную кисть, на тонкие пальцы с идеальными ногтями.

Лохмотья тоже претерпели кардинальные изменения: вместо с трудом опознаваемых обрывков платья возник элегантный брючный костюм, выгодно подчёркивающий великолепную фигуру женщины. Насыщенный алый цвет потрясающе гармонировал с белой кожей и волосами цвета воронова крыла.

– Наконец-то! – Аглая, не скрывая наслаждения, потянулась, словно заново привыкая к телу, к внешности. – Как же я соскучилась по себе настоящей!

– Да, выглядела ты так себе, – не стал спорить Герман, с откровенным удовольствием разглядывая женщину. – То, что мы враги, не мешает мне наслаждаться прекрасным, – пояснил он, заметив скептическую усмешку собеседницы. – Но время идёт, Аглая. Наступает новый круг нашей с тобой бесконечной игры, которая никогда не надоест ни тебе, ни мне, ибо нет ничего слаще, чем борьба за власть. Не правда ли?

– Не стану с тобой спорить, так как нет смысла отрицать очевидное, – роскошная брюнетка кивнула, с явным удовольствием трянув густыми кудрями, и негромко засмеялась. – Но на этот раз я не попадусь на твои уловки, можешь даже не мечтать, Герман. Пока счёт практически равный: мы оба трижды проигрывали и трижды оставались в выигрыше.

– Да, забавный такой паритет, – усмехнулся в ответ мужчина, – но это не надолго, Аглая. Просто потому что я сильнее, вот и всё.

– Может быть, – она мило улыбнулась мужчине, и тот в ответ слегка нахмурился, видимо, насторожившись, – но после того, как ты не просто победил, а предал меня, заманив в ловушку просто для того, чтобы потешить своё самолюбие, у меня появилось новое мощное оружие против тебя.

– Какое же? – Герман справился с собой, и его усмешка снова стала покровительственной и снисходительной. – Ты услышала от кротов или дождевых червей новое мощное заклинание?

– Нет, мой дорогой, – улыбка стала ещё ослепительнее, – заклинания здесь ни при чём.
– Что же тогда?

– Ненависть, Герман, – Аглая хищно прищурилась, – я могла признать твою победу, смириться с собственным поражением, но тебе этого показалось мало, и ты решил унижить меня, замуравов в этой яме на целых сто лет. Я могла бы много рассказать тебе о том, как проходят под землёй дни, месяцы, годы... Как медленно гниёт плоть, выцветают глаза, как ты перестаёшь дышать, но не умираешь. Ты нарушил клятву, Герман. Нарушил условия игры, и я этого так не оставлю. Я поклялась тебе отомстить, и я сделаю это, обещаю!

– Какие слова! Какой текст! – мужчина засмеялся, но смех получился злым, холодным. – Ну что же, это сделает игру ещё интереснее. Итак, что станет призом в этот раз? Твоя очередь предлагать, Аглая.

– Я помню, – женщина на мгновение задумалась. – Призом станет клад, и игроков будет трое. Я наложу шесть проклятий на этот дом, ты – столько же на парк. А кому из нас что достанется, решит жребий. Согласен?

– Согласен, – кивнул мужчина, – как победитель прошлой игры, клад спрячу я. Зато игроков можешь выбрать ты. Ну что, кидаем монетку?

– Кидаем, – глаза Аглаи азартно сверкнули. – Моя решка.

В воздух взвилась блестящая монета и со звоном, показавшимся оглушительным, упала на пол. Оба – и Герман, и Аглая – нагнулись над нею, и женщина объявила:

– Если хотя бы один игрок найдёт клад и останется в живых – я выиграла. Если нет – победил ты. Но я проконтролирую твои проклятья, как и ты можешь посмотреть на мои.

– Да уж не сомневайся, – абсолютно серьёзно ответил мужчина, – не хватало ещё, чтобы ты выбрала что-нибудь попроще, дабы игроки получили дополнительный шанс. Всё должно быть по-честному.

– О да! – не смогла удержаться от насмешки Аглая. – Кто бы говорил! Ну что же... пусть начнётся игра!

Глава 2

«... воздух прогреется до +7 градусов, однако во второй половине дня возможны кратковременные дожди и усиление ветра...»

Жизнерадостный голос ведущей проник в моё по-прежнему бродящее где-то в сладких сонных грёзах сознание и заставил с недовольным стоном приоткрыть один глаз. И зачем только я повёлся на Женькины уговоры и настроил свой бюджетный вариант «умного дома» так, что каждый будний день ровно в половину восьмого меня будил автоматически включающийся телевизор. Надо бы отменить эту настройку, но тогда я гарантированно буду просыпаться на работу, а этого я себе позволить не могу. Пока, во всяком случае.

Несмотря на то, что подавляющее большинство журналистов во всём мире – люди, живущие по своему собственному графику, мы обязаны были являться на службу ежедневно с понедельника по пятницу аккуратно в девять часов на планёрку. Главный редактор (он же неофициальный владелец) главной городской газеты, Юрий Филиппович Ряшенский, был человеком старой закалки. Он совершенно искренне считал, что сотрудник, который может не приходить на работу в присутственные часы, – позорное пятно на безупречной репутации любой нормальной организации. В нашем случае – главной городской газеты «Стрешневские ведомости». Поэтому планёрки у нас проводились ежедневно, а их игнорирование каралось сначала лишением премии, а потом – увольнением.

Так как пополнять собой ряды перманентно безработных фрилансеров я пока не планировал, то приходилось вставать и тащиться в редакцию. К счастью, моя квартира находилась относительно недалеко от места службы, так что добирался я туда пешком. На то, чтобы дойти до гаража, открыть его, выгнать машину, закрыть гараж, остановиться на выезде из гаражного комплекса, дожидаться, пока неторопливый охранник поднимет шлагбаум, доехать до редак-

ции, найти место для парковки... времени было банально жалко. А так вроде как и польза – пешая прогулка, относительно свежий воздух, кофе с круассаном в «Булочной Вольчека».

Вот и сегодня я, привычно ворча себе под нос, встал, умылся, посмотрел в зеркало и решил, что побриться можно и завтра: пока щетина выглядела как продуманный элемент брутальности. Быстро кинув в сумку необходимые вещи и привычно распахав по карманам бумажник, телефон и ключи, я вышел из дома.

Если бы только я тогда знал, чем закончится для меня сегодняшняя планёрка, то остался бы дома, отключил свет, телефон, даже воду и газ, забаррикадировался бы в комнате и сидел бы тихо, как мышка, всё то время, пока кто-нибудь другой расхлёбывал проблемы. Но я забегаю вперёд...

Не предвидя никаких неожиданностей от самого обычного четверга, я спокойно зашёл в «Вольчека», улыбнулся девушке Кате, которая уже прекрасно знала большинство утренних посетителей и поэтому даже не уточняла, кому что. Она привычно протянула мне бумажный пакет с двумя круассанами и, не спрашивая, поставила в кофемашину большой стакан для опять же традиционного большого капучино. Неожиданно слева, около сердца, словно кольнула ледяная иголочка, но я не обратил на неё никакого внимания, мало ли, какая мышца решила о себе напомнить. Хотя, может, и стоит навеститься к матери в клинику и сделать какие-нибудь анализы – всё же не мальчик, к тридцатнику дело.

– Капучино большой возьмите!

– Спасибо, Катюша, хорошего дня, – очнулся я от задумчивости и взял знакомый белый стакан с красной эмблемой.

– И тебе, Егор, – откликнулась девушка, тут же переключаясь на следующего покупателя – мужчину средних лет, такого же утреннего завсегдатя, как и я.

В большой кабинет, где всегда проводилась злосчастная планёрка, я вошёл без пяти минут девять, поздоровался с такими же несчастными тружениками пера и фотоаппарата, как и я сам, и занял своё привычное кресло.

– Слышь, Егорыч, – повернулся ко мне Ванька Степанов, в обязанности которого входило общение с силовыми структурами нашего чудесного города и, соответственно, освещение всех происшествий, так или иначе связанных с нарушением закона. – Говорят, в город какая-то наследница Стрешневых приехала, ты не в курсе?

– Я-то чего? – совершенно искренне удивился я. – Это Нюсю надо спрашивать, она у нас по культуре. Я лично ничего не слышал, но это ни о чём не говорит. Где наследница Стрешневых, а где я? Как-то мне не видится точек для нашего с ней пересечения. А ты откуда знаешь, что приехала?

Тут надо пояснить, что наш город Стрешнево – не областной центр конечно, но и не совсем маленький – назван так в честь князей Стрешневых, когда-то давно живших здесь. Сохранился их городской дом, в котором нынче расположен краеведческий музей, несколько культурных объектов типа построенной первым князем беседки на берегу озера, городского парка и так далее. Неподалёку от города всё ещё не развалилась их загородная усадьба, до которой у городских властей никак не дойдут руки: то финансирование растворится в неизвестном направлении, то реставраторы выдвинут какие-то немыслимые требования, то ещё что-то. Так и стоит когда-то роскошная усадьба заброшенной, а английский парк, разбитый вокруг неё, зарастает и превращается в обычный лес.

Во время революции князь Стрешневы быстренько собрались и успели уехать, кажется, в Париж, бросив дом на растерзание революционных масс. Говорили, что последний князь, надеясь вернуться, закопал где-то в парке аж целый сундук с драгоценностями и золотыми монетами, но за прошедшие сто лет никому так и не удалось его найти.

– Уф, успела, – в кабинет симпатичным и чрезвычайно энергичным коlobком вкатилась Анька Каменецкая, которую все в редакции называли просто Нюсей, – в пробку попала – думала, всё, осталась без премии, а у меня ипотека...

– Нюсь, – тут же повернулся к ней Ванька, – говорят, очередная наследница Стрешневых приехала. Ты ничего не слышала по этому поводу?

– Слышала, конечно, – приглаживая растрепавшиеся светлые кудряшки, ответила Нюся, – говорят, прямо из городу Парижу. Вроде как не то пра-пра-правнучка, не то какая-то ещё родственница, но из близких. Насколько это в наше время возможно.

– А чего приехала? Клад искать? – скорее, из вежливости, чем действительно из любопытства спросил я, и все дружно захихикали: тема Стрешневского клада давно стала источником всевозможных анекдотов, баек, сплетен и прочего городского фольклора.

– Я откуда знаю? – Нюся покосилась в сторону коридора, в котором послышались знакомые тяжёлые шаги главного редактора. Но на этот раз его медвежью поступь сопровождало звонкое поканье каблучков, и мы все с любопытством уставились на дверь.

Юрий Филиппович что-то пророкотал, и в кабинет вплыла – иначе и не скажешь – потрясающе красивая женщина. Длинные тёмные волосы были убраны в высокую причёску, но две выющиеся прядки кокетливо обрамляли лицо удивительной, почти нездешней красоты. Слегка вытянутые к вискам огромные зелёные глаза, высокие скулы, нежная кожа, в меру полные губы – всё это в комбинации производило совершенно невероятное впечатление.

«Надо было всё-таки побриться», – мелькнуло в голове запоздавшее сожаление. А другой стороны, разве могло это как-то повлиять на ситуацию? Женщины, подобные той, что вошла в кабинет в сопровождении раздувающегося от гордости и чувства собственной значимости начальства, ни при каких условиях не обращают внимания на рядовых провинциальных репортёров, даже достаточно привлекательных, если верить словам моих подружек.

– Господа, – слегка подрагивающим от волнения голосом сказал Ряшенский, – нам с вами невероятно повезло, так как мы имеем удивительную возможность лично пообщаться с госпожой Аглаей Стрешневой, наследницей старинного княжеского рода, давшего название нашему чудесному городу.

– Ну что вы, Юрий Филиппович, – не глядя на главного, произнесла красавица, – это мне повезло встретить в вашем лице столь понимающего и образованного человека.

Народ понимающе переглянулся, пряча улыбки, так как ни понимающим, ни образованным назвать главного редактора не получилось бы ни у кого, более или менее хорошо его знающего. Хваткий, продуманный, эгоистичный, хитрый, авторитарный – да, но понимающий – это о ком-то другом.

– Госпожа Стрешнева приехала в наш город, чтобы посетить исторические для неё места, – зачем-то сообщил подчинённым Ряшенский. Можно подумать, в наш город её могло привести что-то другое.

– Я никогда не была в местах, где несколько веков жили мои предки, – неспешно сказала красавица, – но ностальгия, видимо, в крови у всех русских, независимо от места их постоянного проживания. Я хотела попросить у вас, господа, помощи...

Народ отреагировал очень по-разному: Нюся приготовила блокнот и ручку, всем своим видом выражая готовность записывать, какие конкретно места, связанные с семьёй Стрешневых, гостя желала бы посетить. Иван приосанился и тоже демонстрировал желание оказывать всяческую поддержку как моральную, так и физическую. Остальные тоже не скрывали энтузиазма, но наследница княжеского рода почему-то посмотрела прямо на меня, хотя я-то как раз сидел совершенно спокойно: с красивыми женщинами надо флиртовать, а не делами заниматься. Эту простую истину отец вбил в меня ещё в подростковом возрасте.

– Я хотела бы посетить свой ... точнее, когда-то принадлежавший нашей семье загородный особняк. Насколько я знаю, он в не очень хорошем состоянии, но и не развалился. Поэтому

мне хотелось бы взглянуть на него, сделать несколько качественных снимков и снаружи, и изнутри, чтобы потом на их основе составить хотя бы примерную смету. Я мечтаю возродить эту усадьбу и старый английский парк.

– Там такие деньжищи надо вложить, что проще снести и новый построить, – покачал головой Геннадий Васильевич, старейший сотрудник редакции, официально ведающий спортивной колонкой, но на самом деле осуществлявший реальное руководство всем рабочим процессом.

– Но, может быть, ещё есть шанс восстановить здание? – в прекрасных зелёных глазах показались слёзы. – Мне не хотелось бы окончательно уничтожить наше родовое поместье.

– Дело хозяйское, деньги-то ваши, – пожал плечами Васильич, который в силу возраста и жизненного опыта меньше других попал под чары нашей неожиданной гостьи.

– Юрий Филиппович, милый, – обратилась мадам Стрешнева к главному редактору, а народ поперхнулся воздухом, так как обращение «милый» с Ряшенским не коррелировало абсолютно, – вы ведь можете выделить мне в помощь вот этого чудесного юношу?

Тут тонкий пальчик, украшенный явно старинным и дорогим кольцом, показал на меня, и главный кивнул, даже не поинтересовавшись моим скромным мнением.

– Почему меня? – совершенно искренне изумился я. – Ньюсю, в смысле – Анну Каменецкую – возьмите, она спец по всякому культурному наследию.

– Я не сомневаюсь, что эта очаровательная девушка прекрасно разбирается в искусстве нынешнего, прошлого и даже, может быть, позапрошлого века, – доброжелательно ответила мне мадам Стрешнева, – но мне хотелось бы, чтобы меня сопровождали именно вы, молодой человек.

– Егор, не спорь, – с нажимом произнёс Ряшенский, – тебе ведь пока ещё дорого это место работы?

– Ой, вот только шантажировать меня не надо, – нахмурился я: ужасно не люблю, когда вместо того, чтобы нормально договориться, начинают использовать шантаж и угрозы. – Со мной не слишком сложно прийти к соглашению, вы же знаете, Юрий Филиппович.

– Знаю, – буркнул главный редактор, – будет тебе новый компьютер, вымогатель.

– И принтер, – тут же поспешил закрепить успех я, исходя из того, что если попросить много, можно вполне рассчитывать, что хотя бы часть получишь. А если быть скромным, то есть реальный шанс остаться ни с чем.

– Обойдётся, – фыркнуло руководство, но мадам наследница, внимательно слушавшая наш диалог, спокойно поинтересовалась:

– Принтер какой модели вам хотелось бы получить, Егор? Я ведь правильно расслышала ваше имя?

– Любой, – махнул я рукой, – у меня никакого нет, бегаю в недвижимость распечатывать.

Это было чистой правдой: на всю редакцию у нас было два принтера, которым место давно было на свалке. В них постоянно заканчивался порошок, и нам приходилось идти на поклон в соседний офис, где квартировало относительно крупное для нашего города агентство недвижимости. Девчонки там работали душевные, и на распечатки в пределах десяти листов смотрели сквозь пальцы.

– Он будет у вас уже сегодня вечером, – сказала мадам и вопросительно изогнула бровь, – так я могу считать, что мы договорились?

– А если я скажу «нет», вы предложите мне компьютер последней модели? – иронично поинтересовался я, так как почему-то категорически не хотел никуда отправляться с госпожой Стрешневой, невзирая на всю её невероятную красоту.

– Без проблем, если это повлияет на ваше решение, – равнодушно пожалала плечами мадам наследница, – можете считать это моим капризом, а я привыкла им всячески потакать.

– Предупреждаю сразу – фотограф из меня так себе, – честно сказал я, – так что лучше для этой цели возьмите профессионала, да ту же Нюсю, она с реставраторами много работала, знает, что и с какого ракурса надо снимать.

– С реставраторами? – задумалась госпожа Стрешнева, оценивающе рассматривая Аньку. – Пожалуй, это достаточно веский аргумент. Поедете с нами, – распорядилась она, тоже забыв поинтересоваться Нюсиным мнением.

Мы дружно посмотрели на главного редактора, который страдальчески сморщился, но вынужден был кивнуть, мол, премия прилагается. Что же, это тоже было неплохим бонусом, который помогал смириться с непонятной ситуацией. Я никак не мог сам себе ответить на вопрос: почему меня так напрягает предстоящее сотрудничество? Где здесь, как говорил один известный политик, собака порылась?

– Господа, – обратилась к нам с Нюсей мадам Стрешнева, – раз мы договорились, то я вас покину: у меня ещё много дел. Не подскажете мне, в каком заведении в вашем прекрасном городе можно пообедать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.